

вплоть до 70-х годов прошлого столетия в качестве одного из значимых атрибутов этничности художественного текста.

Список литературы

1. Базиева Г. Д. Мифологизм и фольклоризм в художественной культуре Кабардино-Балкарии / Г. Д. Базиева // Вестник Тамбовского госуниверситета. – 2009. – Вып. 8 (76). – С. 188–192.
2. Сарбашева А. М. Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы) / А. М. Сарбашева. – Нальчик, 2019. – 172 с.
3. Теппеев А. М. Хочуев Салих Шабазович / А. М. Теппеев // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). – Нальчик, 2003. – С. 382–384.
4. Теппеев А. М. Балкарская литература. На балк. яз. / А. М. Теппеев. – Нальчик : Эльбрус, 1995. – 246 с.
5. Узденова Ф. Т. Жанр поэмы в литературах тюркских народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. Т. Узденова. – Нальчик : КБГУ, 1999. – 22 с.
6. Хочуев С. Ш. Рассказы, статьи, очерки, эссе, стихи. На балк. яз. / С. Ш. Хочуев. – Нальчик : Эльбрус, 1986. – С. 17–128.
7. Хульчаева М. Х. История балкарской литературы (XIX–XX века). На кар.-балк. яз. / М. Х. Хульчаева, Ф. Т. Узденова. – Нальчик, 2019. – 106 с.

References

1. Baziyeva G. D. Mifologizm i fol'klorizm v khudozhestvennoy kul'ture Kabardino-Balkarii // Vestnik Tambovskogo gosuniversiteta, 2009, iss. 8 (76), pp. 188–192.
2. Sarbasheva A. M. Transformatsiya fol'klornykh traditsiy v balkarskoy literature (na materiale prozy). Nal'chik, 2019. 172 p.
3. Teppeyev A. M. Khochuyev Salikh Shabazovich // Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konets 80-kh gg. XX v.). Nal'chik, 2003, pp. 382–384.
4. Teppeyev A.M. Balkarskaya literatura. Na balk. yaz. Nal'chik : El'brus, 1995. 246 p.
5. Uzdenova F.T. Zhanr poemy v literaturakh tyurkskikh narodov Severnogo Kavkaza. Nal'chik: KBGU, 1999. 22 p.
6. Khochuyev S.SH. Rasskazy, stat'i, ocherki, esse, stikhi. Na balk. yaz. Nal'chik : El'brus, 1986, pp. 17–128.
7. Khul'chayeva M. Kh., Uzdenova F. T. Istoriya balkarskoy literatury (XIX–XX veka). Na kar.-balk. yaz. Nal'chik, 2019. 106 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-150-152

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. ЧЕХОВА «ПУСТОЙ СЛУЧАЙ»

Чалый Виктор Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, Кубанский госуниверситет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, v_chaly@mail.ru

В данной работе рассматривается лексико-семантическая парадигма прозаического текста, анализируются синтаксические конструкции со сравнительно-структурным компонентом.

Ключевые слова: лексическая единица, речевой портрет, оценочная реплика

FUNCTIONAL AND SEMANTIC RELEVANCE OF COMPARISON IN A.P. CHEKHOV'S «AN EMPTY INCIDENT»

Chaly Victor V., Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, 149 Stavropolskaya st., v_chaly@mail.ru

This paper investigates lexical and semantic paradigm of the prose text, analyzes the syntactical constructions containing structural component with comparative meaning.

Keywords: lexical unit, speech portrait, utterance with evaluative meaning

Язык произведений Антона Павловича Чехова отличается разнообразием использования писателем не только специфически точной оценочной лексики, но и стилистически оправданных художественно-образительных речевых средств,

обладающих особым воздействующим потенциалом по отношению к читателю-интерпретатору текста.

Как утверждает О.Н. Емельянова, «наибольший интерес представляют индивидуально-авторские сравнения, в которых образность достигает максимальной концентрации» [3, с. 671]. По нашему мнению, в чеховской прозе обнаруживается арсенал высказываний со сравнительно-структурными компонентами, выполняющими определённые смысловые функции.

Н.С. Болотнова считает, что «коммуникативные свойства слов, отражённые в их ассоциативных связях, имеют информативно-смысловую и прагматическую направленность» [1, с. 277]. В связи с этим, как нам кажется, при языковом анализе тех или иных реплик литературного персонажа (тем более играющего (в художественном замысле выполняющего) главную роль – рассказчика) важно установить задачи, которые стремился решить писатель в развитии сюжетной фабулы своего произведения.

Г.Ф. Гаврилова и Н.В. Малычева справедливо полагают, что «автор выбирает те языковые средства, которые наиболее адекватно, с его точки зрения, отражают специфику языковой личности персонажа-повествователя, уровень его языковой и коммуникативной компетенции и знания мира, а также характер его оценок действительности» [2, с. 15–16].

На наш взгляд, в речевой организации прозаического текста Антона Павловича Чехова «Пустой случай» весьма значимую с точки зрения писателя лексико-семантическую парадигму составляют те синтаксические конструкции, которые содержат целостный приём (или частично только конкретный элемент) сравнения. Так, в частности, персонаж-рассказчик в тексте Чехова отмечает: *«Я начал спорить, кипятился и доказывать, но чем громче и убедительнее я говорил, тем медовее и приторнее становилось лицо Гронтовского. Очевидно, сознание некоторой власти над нами доставляло ему величайшее наслаждение»*. Как видим, в анализе собственного речевого поведения рассказчик акцентирует внимание читателя на неоднозначной реакции собеседника, который отказывается принять иную точку зрения, во многом отличную от его позиции. Тем самым, наверное, можно предположить, что во внутреннем мире Гронтовского проявляется эгоизм, сопряжённый с желанием общаться со своим визави не на равных, а быть значительно «выше» его, главенствовать над ним.

Далее персонаж-рассказчик, продолжая представлять речевой портрет Гронтовского, констатирует: *«Он наслаждался своим снисходительным тоном, любезностью, манерами и с особенным чувством произносил свою звучную фамилию, которую, вероятно, очень любил. Стоя перед нами, он чувствовал себя больше, чем в своей тарелке»*.

Как известно, фразеологизм *не в своей тарелке* обычно употребляется в двух значениях: «1) быть, находиться в плохом, подавленном настроении; 2) быть, чувствовать себя неудобно, скованно, не на месте» [Жуков, Жукова 2015: 212]. Но в речи персонажа Чехова фразеологический оборот претерпевает трансформацию: рассказчик намеренно изменил расположение языковых единиц в составе устойчивого выражения с целью усилить собственную значимость персонажа Гронтовского, которую он всем своим видом нарочито демонстрирует.

Представляется, что А.П. Чехов сознательно наделяет своего рассказчика способностями психолога – человека, который предлагает читателю вполне детально подробную характеристику своему собеседнику как по вербальным, так и невербальным (экстралингвистическим) признакам, проявляющимся в совершаемых им действиях. Об этом писатель сообщает в следующем фрагменте произведения: *«Я посмотрел: не рисуется ли князь? Но лицо него было кротко и глаза с грустью следили за движениями убежавшей рыжей лошади, точно вместе с нею убежало его счастье. По-видимому, он находился в том состоянии раздражения и грусти, когда женщины тихо и беспричинно плачут, а у мужчин является потребность жаловаться на жизнь, на себя, на бога...»*.

Таким образом, персонаж-рассказчик, употребляя в своей речи оборот, основу которого составляет сравнение передвижения животного с исчезающим ощущением счастья, открывает перед читателем другую сторону князя Гронтовского – он так, как и большинство людей, способен испытывать глубокие чувства, по-настоящему страдать.

Кроме того, используя сравнение, рассказчик, выступающий от имени автора, оригинально отмечает внешний вид того жилища, где проживает незамужняя богатая барыня Надежда Львовна Кандурина: *«Дом представлял из себя нечто тяжёлое, безвкусное, похожее фасадом на театр. Он неуклюже высился из массы зелени и резал глаза, как большой булыжник, брошенный на бархатную траву»*.

В данном случае описание большого здания содержит лексическую единицу, традиционно относящуюся к характеристике человека («неуклюжесть»), а образное уподобление камню в сочетании с красивым материалом (пусть даже именно так выглядит всего лишь трава, вблизи которой расположен барский дом) помогает автору создать в мировосприятии читателя определённое ощущение: вряд ли может быть счастлив человек, пребывающий в стенах такого домовладения-несовершенства.

Также в речи персонажа-рассказчика отметим употребление сравнения как средства комического (прежде всего иронии) при описании изменившегося поведения Кандуриной, обнаружившей, что на территории усадьбы находится некогда бывший её возлюбленным Гронтовский: «*Она уже узнала князя и не отрывала глаз от его фигуры. Трудно описать восторг и страдание, какими светилось её некрасивое лицо! Её глаза улыбались и блестели, губы дрожали и смеялись, а лицо тянулось ближе к стёклам. Держась обеими руками за цветочный горшок, немного приподняв одну ногу и притаив дыхание, она напоминала собаку, которая делает стойку и со страстным нетерпением ожидает 'пиль!'*».

Итак, лексикон рассказчика произведения А.П. Чехова «Пустой случай» изобилует сравнениями, что, как выявило наше исследование, является, с одной стороны, средством характеристики самого персонажа, от лица которого ведётся повествование, с другой стороны, служит призмой восприятия других представленных в сюжете людей через его собственные оценочные реплики.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М., 2009.
2. Гаврилова Г. Ф. Об авторизации и субъективации повествования в художественном тексте / Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева // Текст. Структура и семантика : доклады VIII Международной конференции. – М., 2001. – Т. 1.
3. Емельянова О. Е. Сравнение / О. Е. Емельянова // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
4. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М., 2015.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1974–1983. – Т. 5.

References

1. Bolotnova N. S. Filologicheskij analiz teksta. M., 2009.
2. Gavrilova G. F., Malychcheva N. V. Ob avtorizacii i sub"ektivacii povestvovaniya v hudozhestvennom tekste // Tekst. Struktura i semantika: Doklady VIII Mezhdunarodnoj konferencii. T.1. M., 2001.
3. Emel'yanova O. E. Sravnenie // Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. M., 2003.
4. Zhukov A. V., Zhukova M. E. Slovar' sovremennoj russkoj frazeologii. M., 2015.
5. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : in 30 vol. M., 1974–1983. Vol. 5.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-152-161

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ Б. ШАХОВСКОГО «ОПАЛЁННАЯ ЮНОСТЬ»

Боровская Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, borovskaya-anna@bk.ru

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 18, dmitriybychkov@list.ru

Слесивцева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, krilovalubov@bk.ru

В статье рассматривается «Опалённая юность» Б. Шаховского с точки зрения проблемы жанровой идентификации. По наблюдениям авторов исследования, произведение астраханского художника слова представляет собой автобиографическую